

ЗАПИСКА ОТДЕЛА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС О МЕРАХ УЛУЧШЕНИЯ РАБОТЫ ЖУРНАЛА “СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ”, 1953 г.

Е.А. Долгова

Евгения Андреевна Долгова | <https://orcid.org/0000-0002-3902-7142> | Medievalis@list.ru | д. и. н., профессор, ведущий научный сотрудник, директор центра истории российской науки и научно-технологического развития | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, 125047, Россия)

Ключевые слова

советская этнография, идеологическая дискуссия, языкознание, пережиток, периодизация, марризм

Аннотация

Публикуется докладная записка, подготовленная Отделом науки и культуры ЦК КПСС по итогам проверки работы журнала “Советская этнография” в 1953 г. Анализ ее содержания дает представление не только об оценке редакционной политики отдельного издания, но и об изменении трактовки ключевых сюжетов советской этнографии в период идеологических дискуссий позднего сталинизма. Проверка издания была инициирована Отделением истории и философии АН СССР по итогам решений XIX съезда КПСС по вопросам национальной культуры, а также в связи с публикацией работ И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” и “Марксизм и вопросы языкознания”. Материалы проверки работы журнала были переданы в Отдел науки и культуры ЦК КПСС. Формат обсуждения и тот факт, что докладная записка содержит ряд умолчаний и искажений, позволяет судить не только об идеологических дискуссиях позднего сталинизма, но и о процессах конкуренции в научном поле в 1950-е годы. Можно сделать вывод о том, что содержание документа было направлено против С.П. Толстова – на тот момент главного редактора журнала и директора Института этнографии АН СССР. Публикация источника сопровождается вступительной статьей, раскрывающей ключевые пункты критики.

Информация о финансовой поддержке

Публикация подготовлена при поддержке Государственного задания на тему “Историческая динамика традиционных культур в переходные эпохи: этносемиотические особенности перехода и механизмы передачи знаний”, FSZG-2023-0010

Статья поступила 24.01.2025 | Окончательный вариант принят к публикации 17.03.2025
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Долгова Е.А. Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС о мерах улучшения работы журнала “Советская этнография”, 1953 г. // Этнографическое обозрение. 2025. № 4. С. 130–148. <https://doi.org/10.31857/S0869541525040096>

Dolgova, E.A. 2025. Zapiska Otdela nauki i kul'tury TsK KPSS o merakh uluchsheniia raboty zhurnala “Sovetskaia etnografiia”, 1953 g. [A 1953 Memo of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU on Measures for Improving the Work of the Journal *Sovetskaia Etnografiia*]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 130–148. <https://doi.org/10.31857/S0869541525040096>

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) сохранилась докладная записка, подготовленная Отделом науки и культуры ЦК КПСС по итогам проверки работы журнала “Советская этнография” в 1953 г. Анализ ее содержания дает представление не только об оценке редакционной политики отдельного издания, но и об изменении трактовок ключевых сюжетов советской этнографии в период идеологических дискуссий позднего сталинизма. “Жало” “этнографического” документа было направлено против археолога, этнографа и востоковеда, исследователя Средней Азии С.П. Толстова — на тот момент главного редактора журнала и директора Института этнографии АН СССР.

Проверка работы издания была инициирована постановлением Бюро Отделения истории и философии АН СССР от 18 января 1953 г. по итогам рассмотрения отчета Института этнографии АН СССР о выполнении научно-исследовательского плана за 1952 г. (АРАН 1: Л. 9–12)¹. Параллельно проводились проверки работы двух других журналов Отделения — “Вопросы истории” и “Вестник Древней истории”. Поводом для них стали решения XIX съезда КПСС (5–14 октября 1952 г.) по вопросам национальной культуры и публикация работ И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” и “Марксизм и вопросы языкознания”, а в случае с “Советской этнографией” журнал особенно пристально оценивался и в ракурсе дискуссии по вопросам языкознания — стержневого сюжета тех лет, изменившего контексты политической культуры и ставшего отправной точкой для сходных процессов в философии, истории, биологии, литературоведении, искусствоведении и на других культурных и научных “фронтах” (Добренко 2020: 7; Кожевников 1997: 27). Проверке подлежали выпуски журнала за 1950–1952 гг. и издательский план на 1953 г.

Ход проверки раскрывают материалы стенограммы по итогам обсуждения ее результатов на заседаниях Бюро Отделения истории и философии 24 февраля и 17 марта 1953 г. (АРАН 2), а также обзор, опубликованный в третьем номере журнала “Советская этнография” за 1953 г. (Першиц 1953). Председателем комиссии по обследованию работы журнала был назначен историк В.Т. Пашуто, в ее состав входили лингвист Н.А. Баскаков, философ М.П. Баскин, антрополог М.М. Герасимов, лингвист А.А. Калимов, лингвист П.С. Кузнецов, филолог В.Ф. Соколова, этнограф В.Н. Чернецов (АРАН 2: Л. 28)². В обсуждении на заседании Бюро 24 февраля 1953 г. принимали участие заместитель главного редактора И.И. Потехин (выступал от состава редколлегии, также занимал пост заместителя директора Института этнографии АН СССР), ранее участвовавший в идеологической кампании против журнала “Знамя” философ И.Б. Астахов³, археолог и на тот момент ученый секретарь Президиума АН СССР С.В. Киселев, историк и с 1953 г. — директор Института истории АН СССР А.Л. Сидоров, философ и заместитель директора Института философии АН СССР А.Ф. Окулов; председательствовал на заседании археолог П.Н. Третьяков (Там же: Л. 1–2). На втором заседании — 17 марта 1953 г. — выступал и сам главный редактор журнала “Советская этнография” С.П. Толстов, в числе других участников были: В.Т. Пашуто, И.Б. Астахов, П.Н. Третьяков, искусствовед И.Э. Грабарь, историки Н.М. Дружинин и А.М. Панкратова (Там же: Л. 85). Формат обсуждения (Бюро собиралось дважды) свидетельствует о высоком уровне внимания к журналу, состав двух комиссий — по обследованию работы журнала и по подготовке заключения — говорит о преимущественно “идеологическом” характере

замечаний (учитывая состав обсуждающих — философы, историки) и потенциальном влиянии дисциплинарных групп (лингвисты и, в меньшей степени, этнографы в составе проверяющих). В этом отношении любопытно, как практики (само)проверки, призванные гарантировать качество и строгость, вместо этого выполняли функции подчинения, а площадка дискуссии превратилась в место подотчетности и игры “по правилам” (*Spooner* 2015: 214), “ритуалов”, перенесенных из партийной культуры в академическую (*Кожневников* 1997: 30).

Анализ стенограмм, отложившихся в Архиве РАН, позволяет судить о ходе заседания и ключевых пунктах критики, выдвинутых по отношению к работе журнала. Важно подчеркнуть, что критика журнала “Советская этнография” рассматривалась как часть идеологического наступления на исторические науки в целом: согласно тексту стенограммы от 24 февраля 1953 г., в выступлении председательствующего П.Н. Третьякова указывалось, что журнал “каким-то образом живет своей жизнью, а не той жизнью, которой живет вся советская историческая наука, а советская этнография [как будто] не является отраслью советской исторической науки” (АРАН 2: Л. 82). Как и в случае с почти синхронно проверяемыми изданиями “Вопросы истории” и “Вестник Древней истории”, редакционная политика журнала характеризовалась термином “самотек”, указывалось на невысокий удельный вес теоретических работ в противовес исследованиям фактического материала; редколлегия же обвинялась в низком уровне самокритики и замалчивании “утягивающих” политических ошибок (о “сакральном” характере этого обвинения см.: *Кожневников* 1997: 35–36). Однако в целом замечания не носили характера “застрельных”. Комиссия по обследованию работы издания, “вскрыв, несомненно и положительные стороны журнала, и недостатки в его работе”, по замечанию П.Н. Третьякова, “все же подошла к журналу весьма либерально” (АРАН 2: Л. 80).

Выступающий от издания на заседании 24 февраля 1953 г. заместитель главного редактора И.И. Потехин, избрав тактику частичного признания ошибок и подчеркивая, что планы публикаций были согласованы Ученым советом Института этнографии, соглашался с выдвинутыми обвинениями: “...самотек обязательно должен быть в журнале, но в нашем журнале самотек занимает слишком большое место и это большой недостаток, потому что иногда публикуются статьи по случайным вопросам, которые можно было бы и не публиковать” (Там же: Л. 25–26). Кроме того, И.И. Потехин указывал на трудности организации работы издания: говорил о низкой гонорарной ставке (“из всех гонораров академических изданий наш журнал имеет самую меньшую ставку — мы имеем на каждый номер журнала 20 тыс. рублей авторского гонорара”), а также о нехватке кадров редакционного аппарата (“у нас по существу один работник — заведующий редакцией, который находится и в штате издательства. И потому мы испытываем невероятнейшие трудности: у нас нет заведующих отделами, нет литературного редактора, мы загружаем членов редакционной коллегии”) (Там же: Л. 27).

Заострило ход заседания 24 февраля 1953 г. критическое выступление И.Б. Астахова⁴, скорректировавшего направление дискуссии и подчеркнувшего отсутствие упоминаний в докладе комиссии и выступлении И.И. Потехина о решениях XIX съезда Партии и речи И.В. Сталина, “дающей программу борьбы всем общественным наукам, в частности и в особенности этнографической науке”. Докладчик настаивал, что “[выступление И.И. Потехина] свидетельствует

об аполитичности доклада и, очевидно, и той атмосферы, в недрах которой редакция существует” (Там же: Л. 45). По итогам данного им заключения и резюмирующего выступления председательствующего П.Н. Третьякова дело было направлено на дополнительную проверку.

Результаты последней были представлены на тематическом заседании Бюро отделения 17 марта 1953 г. и легли в основу проекта решения, составленного комиссией по обследованию совместно с редакционной коллегией журнала⁵. Проиллюстрируем важнейшие сюжеты, оказавшиеся в центре внимания проверяющих.

Прежде всего, в материалах обсуждения и представленных отзывах речь шла о развернувшейся дискуссии по итогам публикации работы И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, направленной против ранее авторитетной теории Н.Я. Марра (*Алымов* 2010). Последний был назван «упростителем и вульгаризатором марксизма, вроде “пролеткультовцев” или “рапповцов»», а сама теория “классового” языка уступила место “языку национальному”. Однако, как отмечает С.С. Алымов, проблема заключалась в том, что статья И.В. Сталина на момент ее публикации “явилась неожиданностью не только для лингвистов. Накануне этого события археологи и этнографы, напротив, стремились подчеркнуть свою лояльность “новому учению о языке”» (*Алымов* 2009). Ситуация осложнялась тем, что последователем теории Н.Я. Марра развития языков “от множества к единству” был и С.П. Толстов, позиция же директора Института этнографии и главного редактора журнала “Советская этнография” делала его ответственным за идеологически корректный курс издания. Неуверенностью в устойчивости быстро меняющихся оценок объясняется отмеченная проверяющими аккуратность в “критике и самокритике”. Однако при анализе доклада, прочитанного С.П. Толстовым на заседании Ученого совета Института этнографии Академии наук СССР 27 июля 1950 г., т.е. спустя неделю после публикации статьи И.В. Сталина, очевидна тональность последней:

...я, так же как и большинство занимавшихся этими вопросами историков, археологов, этнографов и антропологов, сочувственно относился к теории акад. Марра. Мы были увлечены декларированной Марром схемой “перевернутой на основание пирамиды”, его теорией развития языков “от множества к единству”, мы поверили на слово Марру и его ученикам, что “теория скрещения языков” Марра есть якобы развитие гениального учения Сталина о происхождении наций “из разных рас и племен” (*Толстов* 1950б: 3).

Критическое замечание по поводу другой статьи С.П. Толстова «Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”» (стенограмма доклада на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 23 июня 1951 г., посвященном годовщине выхода в свет статьи) также не вполне корректно. Упрек в “замалчивании” («утверждается, что в работах этнографов были лишь терминологические заимствования и “ссылки на Марра”») не находит подтверждения. Развернутая публикация на основе цитируемого доклада С.П. Толстова содержит указание на “серьезные ошибки” и подробный анализ влияния идей Н.Я. Марра по вопросам магии, тотемизма, других первобытных форм

религии (“труд-магические бредни Марра” [Толстов 1951: 6], подробнее см.: *Альмов* 2008) на научные публикации сотрудников Института по этногенезу, истории быта (одежды и глиняной игрушки), о происхождении искусства – попытке С.В. Иванова истолковать генезис первобытного искусства с позиций марристской теории “кинетической речи” и т.д., однако он увязывал их преимущественно с социологическим схематизмом в духе Н.П. Покровского первой половины 1930-х годов. Пользуясь метафорой И.В. Сталина об “аракчеевском режиме”, С.П. Толстов отмечал: “...мало кто из этнографов (то же надо сказать об археологах, антропологах и историках, писавших на эти темы) избежал в той или иной мере влияния этногенетических взглядов Марра” (*Толстов* 1951: 7). Однако в опубликованном обзоре заседания Бюро отделения 24 февраля 1953 г., подготовленном редакцией спустя полгода, уже подчеркивалось лишь частичное признание обвинения: “Можно согласиться и с тем, что в некоторых наших статьях преуменьшается влияние Марра на этнографию, но несомненно то, что советская этнография в целом развивалась вопреки Марру, вне его порочного влияния” (*Перици* 1953: 195).

Особое внимание проверяющих привлекла гипотеза “первобытной лингвистической непрерывности”. Она была сформулирована С.П. Толстовым как попытка объяснить происхождение древнейших языковых общностей под углом зрения сталинского учения о языке в статье “Значение трудов С.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии”. Суть гипотезы заключалась в следующем:

...каждый род, живя своей замкнутой хозяйственной жизнью, имеет свойственный только ему язык. <...> В процессе общения между родами их родовые языки идут по пути взаимообмена, взаимопроникновения, приводящего в итоге тысячелетней истории первобытных родов к созданию характерной, по-видимому, для исторической ступени раннего (доплеменного) родового строя, того, что я назвал бы своего рода “первобытной лингвистической непрерывностью” (*Толстов* 1950б: 17–18).

Примечательно, что, обосновывая высказанное в обличение “нового учения о языке” Н.Я. Марра утверждение И.В. Сталина, С.П. Толстов сформулировал собственную, не менее спорную концепцию, вызвавшую дискуссии в научной и партийной⁶ печати и “затенившую” магистральное направление – клеймение Н.Я. Марра. Гипотеза встретила поддержку этнографов (*Бутинов* 1951), но была подвергнута критике (прежде всего со стороны лингвистов) на Совещании по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке 29 октября – 3 ноября 1951 г., в котором приняли участие представители институтов языкознания, этнографии, истории и истории материальной культуры. Лингвисты классифицировали ее “как неомарристскую и даже марристскую” (*АРАН* 2: Л. 20), однако (так как Н.П. Толстов отсутствовал на заседании по причине болезни – его сразил первый инсульт) обмен мнениями в ходе дискуссии не состоялся, а “были только односторонние выступления с критикой этой гипотезы... а после совещания, после такой резкой квалификации этой гипотезы, никто уже участвовать в дискуссии не захотел” (Там же: Л. 20). Редакции журнала “Советская этнография” вменялось в вину, что эта критика не нашла отражения в обзорной статье по итогам совещания (Совещание 1951: 3–6),

она обвинялась в “замалчивании и преуменьшении ошибок”, “гнилой примиренческой позиции”, в том, что журнал “оберегает от критики свое руководство за счет интересов советской науки” (АРАН 2: Л. 36–37).

Статья И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” задала направление и другому вектору критики, касающемуся пересмотра периодизации и основных положений истории первобытного общества, утвердившихся в советской этнографии с опорой на положения Л.Г. Моргана и классический труд Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. Этот вопрос был поднят С.П. Толстовым еще в предвоенный период (*Ранопорт, Семенов* 2004) и сформулирован в 1946 г. (*Толстов* 1946), однако проведение открытой ревизии стало возможным после фразы И.В. Сталина: “Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма”. Апеллируя к этой цитате, С.П. Толстов указывал на необходимость пересмотра периодизации и суждений, которые устарели и во многом не соответствовали данным, накопленным с момента выхода работы: теории “кровнородственной семьи”, характеристики “низшей ступени дикости”, самого деления на три ступени “дикости” и три ступени “варварства” (*Толстов* 1951: 12–13; также см.: *Толстов* 1950а). Подготовка Институтом этнографии специальной научной сессии, посвященной обсуждению вопроса о периодизации истории первобытного общества, обосновывалась как важный шаг в развитии науки и “указаний товарища Сталина”.

При оценке вклада журнала в решение поставленной задачи в критических замечаниях отмечалось, что в журнале “Советская этнография” был опубликован ряд “теоретически слабых и путаных” статей по истории первобытного общества, противоречащих историческому материализму. В качестве мишени были избраны тексты редактора перевода книги Моргана “Древнее общество” М.О. Косвена (*Косвен* 1951а)⁷ и Н.П. Горбачевой “К вопросу о пересмотре периодизации Моргана” (*Горбачева* 1951). Критику вызвала гипотеза М.О. Косвена об одновременном происхождении человеческого стада и рода. В отношении опубликованной в журнале статьи Н.П. Горбачевой “К вопросу о пересмотре периодизации Моргана” указывалось, что автор усматривает в основе развития раннего человеческого общества “стремление пограбить соседей” (РГАНИ: Л. 25). При указании на эти “политические ошибки” ключевая роль в обвинении отводилась редколлегии, открывающей на страницах журнала дискуссии, но не умевшей проводить их на должном научном уровне. Формальной претензией стало отсутствие сколько-нибудь общих установок в новой, предлагаемой “на замену” периодизации. С.П. Толстов, учитывая новые факты, накопленные археологией и этнографией, и основываясь на соответствующих высказываниях Энгельса, Ленина и Сталина, сформулировал следующий вариант периодизации: первобытное стадо – первобытная община (материнский род) – военная демократия. Н.П. Горбачева в цитируемой выше статье предложила выделить в истории первобытного общества периоды первобытного стада, рода, племени и союза племен. М.О. Косвен, в свою очередь, выделил эпоху первобытного стада и эпоху родового строя, разделив последнюю на периоды матриархата (раннего и развитого), патриархата и т.д. (*Монгайт, Першиц* 1955). Однако, по сути, дискуссия по пересмотру периодизации истории первобытного общества замерла, не начавшись. Ее “мертворожденный” характер подчеркивался уже в эмоциональном выступлении И.Б. Астахова на обсуждении 24 февраля 1953 г.: “Смелость, конечно,

дело похвальное, но при условии, что она не является выражением анархизма и не ведет к ревизии марксизма, к смелости, которая замахивается на общепризнанные марксистские положения и объявляет несостоятельной периодизацию Энгельса... Я думаю, что это не выйдет, товарищи! не выйдет! Не на том периоде развития мы находимся!» (АРАН 2: Л. 58). Таким образом, само понятие “доказательства” свелось к силовой игре, разыгрываемой ради политической выгоды на академической арене, а сама дискуссия приобрела не преобразующе-творческий, а безопасный характер (Spooner 2015: 213, 221).

Третий вектор критики работы журнала “Советская этнографии” был связан с анализом “состояния научной работы Института и ее идеологической и практической направленности в интересах социалистического строительства”. Речь шла о наметившемся с 1948 г. повороте в полевых исследованиях от “старины” к современности, прежде всего — к изучению социалистической культуры и быта колхозного крестьянства народов СССР. Упреки, с одной стороны, относились к “идеализации старины”, с другой — отмечалась склонность этнографов к изучению не нового, социалистического быта и культуры колхозного села, а “тех консервативных черт старого в быту, которые являются пережитками в сознании людей”, свидетельствующих «якобы об “устойчивости национальных традиций” и “сохранении национального колорита”» (РГАНИ: Л. 24). В последнем утверждении проверяющих видится явная отсылка к трактовке понятия “пережитка” в советской этнографии: в противоположность социалистическому “быту” указывалось, что пережитки существовали главным образом “в сознании” людей и обозначали практически все негативные явления, считавшиеся противоречащими социализму; существование подобных “родимых пятен” объяснялось “отставанием общественного сознания от бытия” (Алымов 2012). В стенограмме обсуждения указывалось, что журнал невнимателен и к так наз. религиозным пережиткам (АРАН 2: Л. 106). Поиски “старины” и любование ею противоречили и идее И.В. Сталина о “глубочайшем повороте в деревне” — ее индустриальном “скачке”.

С точки зрения представленности на страницах “Советской этнографии” тематики по изучению этнографии современности упрек был не вполне справедлив: в 1948–1951 гг. в журнале была напечатана целая серия статей о современном на тот момент колхозном быте, большая часть из которых носила характер кратких монографических описаний колхозов. А в 1951–1952 гг. редакцией была инициирована дискуссия о задачах и методах изучения культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса народов СССР (Резолюция 1951: 216), также получившая негативную оценку проверяющих. Как отмечалось в стенограмме обсуждения,

дискуссия не коснулась ни анализа закономерностей преобразования современной социалистической культуры и быта, ни особенностей, специфики и методики разработки их исследования, ни необходимости специальной подготовки этнографов советского периода, а свелась к спору о сроках и форме исследования (предлагались тематическая и монографическая формы) и о некоторых вопросах практики полевой работы (АРАН 2: Л. 31).

В развернувшейся на страницах журнала дискуссии действительно отмечались трудности поиска “правильного подхода к этнографическому изучению

колхозного крестьянства”. В центре внимания этнографов оказывался так наз. производственный быт, т.е. колхозное производство и участие в нем колхозников, своего рода экономика колхоза. Это соответствовало подходу экономического материализма, но сводило этнографическое исследование к поверхностному очерку (*Корбе* 1951: 212). Вследствие этого важнее изучения быта колхоза представлялось изучение жизни колхозного крестьянства — поселения, села.

Речь шла о парадоксе, сложившемся в рамках этнографии современности. Решения XIX съезда КПСС по вопросам национальной культуры и публикация труда И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” вступили в противоречие с установкой на фактическое отождествление колхозной этнографии и этнографии современности. Политическая директива заключалась в том, чтобы рассматривать культуру каждого этноса (нации или народности) в целом, а не только культуру крестьянства, пусть и колхозного. Предполагалось, что именно в культуре колхозников выражается национальная форма, а быт колхозников бывает весьма различен — в зависимости от их национальности (Там же: 214). Эти идеи были декларированы П.И. Кушнером на Координационном совещании по этнографическому изучению социалистической культуры и быта народов СССР в 1952 г. (*Альмов* 2012). Интересно, что именно этот новый подход вызвал критику проверяющих.

В ходе обсуждения 17 марта 1953 г. критике подверглось и содержательное наполнение журнала “Советская этнография”. Так, была высказана претензия в том, что в издании “мало публикуется статей по этнографии народов капиталистических стран и прежде всего колониальных и зависимых народов”. В числе критикуемых текстов упоминались следующие статьи: “Неприкасаемые (о некоторых особенностях кастовой организации в Индии)” (*Кудрявцев* 1951), “Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки” (*Бломквист* 1951), “Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции” (*Новичев* 1951). Подчеркивался и тот факт, что недостаточно внимания уделяется текстам по этнографии славянских народов: русских, украинцев, белорусов.

Наконец, в критических замечаниях особо подчеркивался “ведомственный” характер издания (АРАН 2: Л. 65) — замечание, что в редколлегию единственного этнографического журнала тех лет входят дирекция и заведующие секторами Института этнографии, было направлено против С.П. Толстова и его заместителя И.И. Потехина, активно публикующихся на страницах “Советской этнографии”. Указывалась слабая представленность в издании “авторов статей и корреспондентов с мест”. На это критическое замечание дал ответ И.И. Потехин в ходе обсуждения работы журнала 24 февраля 1953 г.:

В работе журнала участвуют почти все этнографы Советского союза... Но, надо сказать, что за пределами Института этнографии этнографов очень мало и кадры этнографов в союзных и автономных республиках исключительно слабы... Объяснить это можно прежде всего тем, что в довоенное время этнография была заведена ее прежним руководством в тупик. Прежнее, довоенное руководство ограничивало задачи этнографической науки изучением первобытного общества и его пережитков в современности, причем считали, что современная социалистическая культура и быт — это не дело этнографии (Там же: Л. 5—6).

Пояснение было справедливым, однако в выступлении А.Ф. Окулова на обсуждении 24 февраля 1953 г. прозвучало предложение о смене главного редактора и коренной перестройке работы журнала: "...раз руководители не критически относятся к своей науке, которую они возглавляют, раз директор — редактор, заместитель директора — его заместитель, то это надо изменить... Хотя журнал выходит при Институте, но журнал — независимый от дирекции орган. Если мы этого не сделаем в ближайшее время, то не будет у нас журнала" (Там же: Л. 76–77). Вопрос изменения состава редакционной коллегии обсуждался и на заседании от 17 марта 1953 г. (выступления В.Т. Пашуто, И.Б. Астахова, реплика А.М. Панкратовой) — предлагалось укрепить редколлегию "местными кадрами" и "работниками смежных специальностей" (Там же: Л. 118–119), разделить руководство института и руководство редколлегии (Там же: Л. 133).

По итогам проверки на заседании 17 марта 1953 г. был сделан вывод о неудовлетворительной работе журнала "Советская этнография". С.П. Толстов отмечал: "...критика, которой подвергся наш журнал, была нами воспринята очень остро, наш коллектив редакции переживал эту критику, отнюдь она для нас не была приятной" (Там же: Л. 88).

Любопытно, что дело не ограничилось обсуждением на заседании Бюро отделения АН СССР. Материалы вполне типичной для советского периода внутренней "самопроверки", в духе времени выявившей ряд "грубых политических ошибок", были переданы выше — в Отдел науки и культуры ЦК КПСС. Однако события марта 1953 г., связанные со смертью И.В. Сталина и нестабильностью политического курса, остановили разбирательство. 23 апреля 1953 г. в Отделе было проведено совещание с участием членов редколлегии "Советской этнографии", представителей Бюро Отделения истории и философии АН СССР, а также научных работников гуманитарных институтов Академии наук СССР. Судя по делопроизводственной помете, рекомендации "по коренному улучшению работы" журнала "Советская этнография" (в формате докладной записки) 30 апреля 1953 г. были направлены в Президиум АН СССР в формате поручения, а само дело сдано в архив. После этого следы критики журнала "Советская этнография" теряются: в фондах Секретариата Президиума (Ф. 2), Института этнографии АН СССР (Ф. 142), личном фонде С.П. Толстова (Ф. 1869) в АРАН документальных следов данного поручения обнаружить не удалось. Материалы обсуждения на Бюро Отделения истории и философии АН СССР в смягченном виде были опубликованы самим изданием спустя полгода (*Першиц* 1953), что свидетельствовало о "признании" редколлекцией ошибок, корректировке издательского курса и своего рода "исчерпанности" конфликта.

Если для журнала "Вопросы истории" исходом аналогичной проверки стала смена главного редактора (после археолога П.Н. Третьякова издание возглавила историк А.М. Панкратова), то редакционную группу журнала "Советская этнография" удалось сохранить: С.П. Толстов остался директором института и главным редактором журнала (*Неразлик* 2004). Однако сама редакционная политика журнала изменилась. Со страниц издания исчезли яркие и откликающиеся на изменение политической повестки тексты С.П. Толстова, традиционно выступавшие в качестве "передовицы"; был увеличен объем издаваемых текстов по этнографии СССР (особое внимание привлекали тексты о культурной общности восточнославянских народов⁸); был опубликован

ряд статей по этнографии народов Африки, Индокитая, Ирана, Австралии, индейцев США (тексты показывали актуальное положение изучаемых народов и их “угнетение империалистическими державами”). Был усилен и раздел, посвященный рецензированию зарубежной этнографической литературы, — вследствие указания в материалах проверки на актуальность ее “разоблачительной” тональности. Однако, несмотря на изменения редакционного курса, журнал продолжал находиться под контролем Отделения истории и философии АН СССР, отмечавшего, что “лицо журнала продолжает оставаться неясным” (Марков, Громов 1955). Это касалось не только конкретного издания. Солидаризируемся с оценками, согласно которым идеологические кампании конца 1940 — начала 1950-х годов (и прежде всего — разгром марризма) изменили диспозицию в гуманитарных науках — ряд научных и административных лидеров оказался дискредитирован, в их числе был и С.П. Толстов (Кожевников 1997: 52; Тихонов 2016: 293).

Ниже публикуется текст докладной записки Отдела науки и культуры ЦК КПСС о мерах улучшения работы журнала “Советская этнография”, выявленной в составе фонда Аппарата ЦК КПСС в РГАНИ. В ее основу содержательно лег текст заключения, принятого на заседании Бюро Отделения истории и философии 17 марта 1953 г. По сравнению с ним текст докладной записки носит более сжатый и сухой, регистрирующий характер. Одновременно, в отличие от опубликованного и “очищенного” от лишних деталей обзора (Першиц 1953), он содержит ряд замечаний, актуальных для органов идеологического контроля. В этом отношении публикация докладной записки позволяет в концентрированном виде раскрыть суть событий, в центре которых журнал оказался в начале 1950-х годов.

Текст публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации. Стилистические особенности рукописи сохранены в целях аутентичной передачи источника. Восстановленные публикатором фрагменты даются в квадратных скобках [].

Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС
о мерах улучшения работы журнала “Советская этнография”, 1953 г.

30 апреля 1953 г.
[Москва]

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов[арищу] ПОСПЕЛОВУ П.Н.⁹

(Л. 22) Отдел науки и культуры ЦК КПСС проверил работу журнала “Советская этнография” за 1951–1952 [годы]. По итогам проверки 23 апреля с[его] г[ода] в отделе было проведено совещание с участием членов редколлегии “Советской этнографии”, представителей бюро Отделения истории и философии АН СССР, а также ряда научных работников гуманитарных институтов Академии наук СССР.

Проверка работы журнала, а также выступления участников совещания в Отделе науки и культуры ЦК КПСС показали, что журнал “Советская этнография” ведется совершенно неудовлетворительно. Большинство опубликованных в журнале статей написано на крайне низком идейно-теоретическом уровне, причем многие из них не имеют никакого научного значения. В журнале не ставятся и не разрабатываются важнейшие проблемы этнографии. Публикуемые изредка передовые статьи носят хроникально-информационный характер.

Журнал слабо помогает советским этнографам в перестройке научно-исследовательской работы в свете гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма в СССР.

До дискуссии по вопросам языкознания на страницах журнала публиковались в основном статьи в духе так называемого “нового учения” Марра, неправильно освещались проблемы этногенеза и ряд других вопросов. После дискуссии и выхода в свет труда товарища Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” журнал не перестроил своей работы и не оказал помощи советским этнографам в преодолении вредного влияния антимарксистской “теории” Марра.

Со стороны членов редколлегии журнала наблюдалось стремление преуменьшить влияние марровского “учения” на этнографию и антропологию. Так, в статье главного редактора журнала проф[ессора] Толстова С.П. “Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии” № 4 за 1950 г[од] указывается, что «теория Марра в трудах этнографов нашла свое отражение только “при освещении лингвистических вопросов”».

В передовой статье № 3 за 1951 г[од] об итогах перестройки работы Института этнографии в свете труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы // (Л. 23) языкознания” утверждается, что в работах этнографов были лишь терминологические заимствования и “ссылки на Марра” (стр[аница] 81¹⁰).

В практике работы журнала наблюдаются факты тенденциозного подхода к публикации материала. Например, в редакционной статье четвертого номера журнала за 1951 год односторонне освещены итоги состоявшейся в 1950 году научной Сессии по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке. Статья замалчивает тот факт, что на этой сессии серьезной критике была подвергнута выдвинутая проф[ессором] Толстовым теория “первобытной лингвистической непрерывности”. В журнале часто публикуются статьи, в которых всячески восхваляются главный редактор журнала проф[ессор] Толстов и члены редколлегии. Журнал щедро расточает похвалы в адрес Института этнографии, а Ученый Совет института в свою очередь не скупится хвалить редакцию журнала. В опубликованной в четвертом номере за 1951 г[од] резолюции Ученого совета Института этнографии АН СССР о недостатках журнала сказано мимоходом, зато подробно расписаны “заслуги” журнала¹¹. Заняв неправильную позицию в вопросе критики и самокритики, журнал оказался не на уровне задач, стоящих перед советской этнографической наукой.

Журнал проявляет беспомощность в решении важнейших теоретических вопросов. Редколлегия журнала до сих пор не имеет твердой точки зрения по вопросу об определении предмета этнографии как науки. В публикуемых статьях наблюдается разноречивость и путаница в понимании предмета этнографии и стоящих перед нею задач. В передовой статье четвертого номера журнала за 1952 г[од] говорится, что “важнейшая задача этнографов состоит в том, чтобы исследовать причины живучести старого в быту народов...” (стр[аница]7)¹².

Этим положением руководствуются авторы многих статей, публикуемых в журнале. В своем увлечении пережитками старого, авторы этих статей доходят до открытой идеализации старины. Их интересует не то новое, что характеризует социалистическую культуру и быт советских людей, а те консервативные черты старого в быту, которые являются пережитками в сознании людей.

В некоторых статьях противопоставляется деревня городу; деревня воспевается как цитадель национальной культуры, а город провозглашается разрушителем веками сложившихся национальных форм и традиций. // (Л. 24)

В статье проф[ессора] Воробьева об этнографическом изучении крестьянства¹³ (№ 1, 1952 г[од]) утверждается, что социалистический быт советских людей — это ничто иное, как в переосмысленном виде национальные традиции, которые наиболее прочно сохранились в деревне. Автор пишет, что национальные формы социалистического быта создаются только в деревне (стр[аница] 142)¹⁴. Проф[ессор] Воробьев противопоставляет деревню колхозу, он предлагает “изучать не колхоз, а быт населения поселка (села, деревни, аула и т[ак] д[алее])” (стр[аница] 143)¹⁵. Этой же точки зрения придерживается проф[ессор] Кушнер, который заявляет следующее: “Крестьянство, которое изучает этнограф, живет не в колхозах,

а в населенных пунктах — селах, деревнях, аулах, кишлаках, станицах и пр[очее]. Отсюда следует, что основной территориальной единицей при монографическом изучении должен быть не колхоз, а село” (№ 1, 1952 г[од], стр[аницы] 139–140)¹⁶.

В статье проф[ессора] Кушнера открыто пропагандируется идеалистическая теория о том, что не экономические условия жизни, не бытие определяет сознание людей, а наоборот, сознание людей определяет экономические условия жизни. Автор статьи проповедует субъективистскую “теорию” о том, что “в социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию... От степени развития этого сознания, — заявляет он, — зависит и быт” (№ 1, за 1952 г[од], стр[аница] 140)¹⁷.

Редколлегия журнала не только не сумела разоблачить антинаучный характер этих статей, но до настоящего времени не высказала своего отношения к ним.

Редколлегия организовала беспредметную дискуссию об этнографическом изучении колхозов. Опубликовав ряд статей по этому вопросу, редколлегия журнала не подвела итогов дискуссии и не дала правильной ориентировки советским этнографам при изучении быта и культуры колхозного села.

Вместо того, чтобы показывать новые отношения людей в процессе социалистического производства, новый социалистический быт и культуру колхозного села, журнал публикует статьи, в которых рассказывается, что колхозники по-прежнему ходят в лаптях, что свидетельствует якобы об “устойчивости национальных традиций” и “сохранении национального колорита” (№ 4, за 1952 г[од], стр[аница] 63)¹⁸.

В опубликованной в журнале так называемой “Программе для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни” (№ 4, за 1952 г[од]¹⁹) допущены грубейшие извращения и вульгаризация общественных // (Л. 25) и семейных отношений советских людей. В “Программе” рекомендуется изучать причины ссор между супругами, неверности (с той и другой стороны), измены и наказание за это, взгляды на физическое сближение до брака и т[ому] п[одобное] (стр[аница] 194). Так, на страницах журнала опошляется изучение быта советского народа.

Влияние старой школы буржуазной этнографии продолжает сказываться на публикуемых материалах по фольклору. В опубликованных статьях по фольклору (Чичерова²⁰, Крупянской²¹ и др[угие]) советский фольклор рассматривается как непосредственное продолжение традиций старины. Этот антиисторический подход приводит к вредной идеализации прошлого, к недооценке принципиально нового содержания в фольклоре, обусловленного советской действительностью.

В журнале “Советская этнография” опубликован ряд теоретически слабых и путаных статей по истории первобытного общества, которые находятся в противоречии с историческим материализмом. Например, проф[ессор] Косвен в статье “Об историческом соотношении рода и племени” (№ 2, за 1951 г[од]) отрицает исторический процесс развития человеческого общества от рода к племени. Он утверждает, что “племя возникает одновременно с родом..., на смену стадному обществу” (стр[аница] 184). В основе развития первобытного общества автор видит не способ производства, а биологический фактор — размножение. Он дает также произвольную периодизацию первобытной истории (эпоха первобытного стада, эпоха родового строя). В опубликованной в журнале статье Н. Горбачевой “К вопросу о пересмотре периодизации Моргана” утверждается, что в основе развития раннего человеческого общества было “стремление пограбить соседей” (№ 1, 1952 г[од], стр[аница] 163).

Редколлегия, открыв на страницах журнала дискуссию о периодизации первобытной истории, не сумела провести ее на должном научном уровне. Опубликовав по этому вопросу две путаные статьи, редколлегия не высказала своего отношения к ним, тем самым по существу солидаризировалась с ошибочными взглядами авторов статей на историю первобытного общества.

Беззаботное отношение со стороны редколлегии журнала к делу борьбы за внедрение марксизма-ленинизма в этнографическую науку привело к тому, что в ряде работ, вышедших из печати уже после трудов товарища Сталина по языкознанию, допускаются ошибки идеалистического характера в трактовке проблемы антропогенеза. Например, // (Л. 26) в статье В.Н. Якимова о ранних стадиях антропогенеза утверждается, что в основе развития человека лежит не труд, а мышление²².

Крупные теоретические ошибки допущены в ряде опубликованных в журнале статей по вопросу происхождения народов СССР. Например, в статьях по этногенезу чувашского народа путано изложен вопрос о взаимоотношениях народов Поволжья с кочевниками и содержатся субъективные измышления авторов, унижающие и оскорбляющие чувашский народ. В статье В. Егорова “Этногенез чувашей по данным языка” (№ 3, 1950 г[од]) чувашаи представлены дикарями, которых скифы научили строить себе жилища с окнами и дверьми, а татарские ханы приучили к различным обрядам²³.

Журнал плохо помогает местным этнографам, проходит мимо крупных недостатков в их работе. Редколлегия журнала примиренчески относится к проявлениям объективизма и космополитизма в работах некоторых этнографов. На страницах журнала была опубликована порочная статья А.Н. Бернштама “Некоторые данные к этногенезу туркмен” (№ 4, 1951 г[од]), в которой пропагандируется антинаучная “теория” о роли гуннов в формировании туркменского народа²⁴. Объективистские ошибки содержатся в статьях по истории русской этнографии (№ 1, 4 за 1951 г[од], № 4 за 1952 г[од])²⁵. Журнал за последние годы не опубликовал ни одной проблемной статьи о возникновении и развитии этнографических особенностей русского, украинского и белорусского народов.

В журнале мало печатается статей, разоблачающих современную буржуазную этнографию. Совершенно отсутствуют статьи, посвященные борьбе прогрессивных этнографов против реакционных в зарубежных странах.

Мало публикуется статей по этнографии народов капиталистических стран и прежде всего колониальных и зависимых народов. В некоторых опубликованных в журнале статьях по этнографии колониальных и зависимых народов допущены серьезные теоретические и политические ошибки: статьи — М. Кудрявцева “О некоторых особенностях кастовой организации в Индии” (№ 2, 1951 г[од])²⁶, Е. Бломквиста²⁷ “Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки” (№ 2, 1951 г[од]), А. Новичева “Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции” (№ 3, 1951 г[од]).

Работа отдела критики и библиографии организована неудовлетворительно, в журнале не рецензируются систематически выходящие в // (Л. 27) нашей стране и за рубежом книги по этнографии. Публикуемые в журнале рецензии в большинстве случаев носят реферативный характер.

Журнал “Советская этнография” не имеет широкого авторского актива и опирается на крайне узкий круг специалистов, главным образом из числа членов редколлегии своего журнала и некоторых сотрудников Института этнографии.

В редколлегию журнала входят дирекция и заведующие секторами Института этнографии, в ней не представлены специалисты смежных отраслей науки (истории, археологии, языкознания); аппарат редакции состоит из двух лиц (заведующего] редакцией и технического секретаря).

Печатание материалов в журнале “Советская этнография”, как заявил на совещании в Отделе науки и культуры ЦК КПСС т[оварищ] Потехин, являющийся фактическим руководителем журнала, часто производится без предварительного рассмотрения членами редколлегии.

Ввиду совершенно неудовлетворительной работы журнала “Советская этнография”, отсутствия какого-либо контроля за качеством публикуемых в нем статей, наличия в журнале грубых политических ошибок и извращений считали бы целесообразным поручить Президиуму Академии наук СССР рассмотреть вопрос о журнале и принять меры по коренному улучшению его работы.

Просим Ваших указаний.

(подпись) А. Румянцев²⁸

(подпись) А. Лихолат²⁹

[В нижней части листа справа рукописная надпись: «Президиуму Академии наук СССР (т[оварищу] Топчиеву³⁰) передано поручение по журналу “Советская этнография”» (А. Лихолат)].

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 426. Л. 22–27. Машинопись, подлинник. Рукописная приписка: “В архив 20/VI-53 г[ода] (А. Соловьев³¹)”.

Примечания

¹ «На одном из ближайших заседаний Бюро отделения истории и философии заслушать отчет о работе журнала “Советская этнография”. Сам отчет был охарактеризован как “недостаточно самокритичный” (АРАН 1: Л. 11).

² В деле сохранились отзывы М.П. Баскина (Л. 136–144), П.С. Кузнецова (Л. 145–148), Н.А. Басакова (Л. 149–152), В.Н. Чернецова (Л. 153–156), А.А. Калимова (Л. 157–158), В.Ф. Соколовой (Л. 159–161); к делу приложены и подлинники отзывов – машинопись и автографы (Л. 189–206).

³ О его роли в кампаниях против указанных журналов см.: *Монгайт, Першиц* 1955.

⁴ Был включен в состав новой комиссии по выработке решения по итогам заседания (АРАН 1: Л. 54).

⁵ Текст Заключения Комиссии Отделения истории и философии АН СССР о работе журнала “Советская этнография” (черновой вариант, с рукописными пометками: АРАН 2: Л. 172–188; итоговый документ за подписью П.Н. Третьякова от 25 марта 1953 г.: АРАН 1: Л. 58–68).

⁶ Имеется в виду квалификация этой теории “как ошибочной, как попытки возрождения марристских взглядов” (*Касьянов* 1952: 67).

⁷ Также, согласно тексту стенограммы, критиковалась книга М.О. Косвена “Очерки истории первобытной культуры” (еще в рукописи): “В этой книге не дается никакой периодизации, нет понятия о первобытном общественном строе, там говорится о первобытном обществе, о первобытной культуре, но нет марксистско-ленинского понятия о первобытном общественном строе” (АРАН 2: Л. 72).

⁸ Среди работ, посвященных славянской этнографии, выделяются следующие публикации: *Токарев* 1954; *Бломквист* 1954; *Маслова* 1954.

⁹ Пospelов Петр Николаевич (1898–1979) – советский партийный деятель, секретарь ЦК КПСС (1953–1960).

¹⁰ Неверно указан номер цитируемой страницы. Прямое цитирование в статье не выявлено.

¹¹ Имеется в виду текст: Резолюция 1951.

¹² Имеется в виду текст: Съезд 1952. Некорректно сокращена цитата: “Важнейшая задача этнографов состоит в том, чтобы исследовать причины живучести старого в быту народов, борьбу нового со старым, вскрыть закономерности трансформации быта в эпоху социализма”.

¹³ Имеется в виду текст: *Воробьев* 1951а. Сознательно пропущено слово “колхозного”.

¹⁴ Неточное цитирование фразы: “Национальные формы социалистического быта *обычно* (курсив мой. – Е.Д.) создаются в деревне, где сильнее национальные традиции, в том числе и хорошие традиции, которые в переосмысленном виде входят в социалистический быт и имеют все данные для длительного сохранения в нем. Если в условиях городов и рабочих поселков происходит быстрое нивелирование бытовых форм под влиянием быта, сложившегося в наших советских городах, то в деревне этот процесс идет медленнее, здесь дольше сохраняются веками сложившиеся национальные формы, удерживаются наиболее ценные, приспособленные к жизни данного народа традиции” (*Воробьев* 1951а: 142).

¹⁵ Также искажение. Дословная цитата: “...изучать этнографу надо не колхоз, а быт населения *того* (курсив мой. – Е.Д.) поселка (села, деревни, аула и т.д.), где данный колхоз расположен (курсив мой. – Е.Д.)”.

¹⁶ См.: *Кушнер* 1951.

¹⁷ Корректная цитата, обосновывающая опасность однобокого, сугубо экономического подхода, звучит так: “А ведь от степени развития этого сознания зависит и быт. В советском социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию (социалистическому сознанию!) – на этом основано наше плановое хозяйство”.

¹⁸ Цитируется статья: *Воробьев* 1952.

¹⁹ Ошибка в сноске. Имеется в виду: *Воробьев* 1951б.

²⁰ Очевидно, имеется в виду: *Чичеров* 1950, 1952.

²¹ Очевидно, имеется в виду: *Крупянская* 1951.

²² Имеется в виду: *Якимов* 1952.

²³ Имеется в виду: *Егоров* 1950.

²⁴ Имеется в виду: *Бернштам* 1951.

²⁵ Судя по тексту стенограммы (АРАН 2: Л. 38), имеются в виду статьи М.О. Косвена: *Косвен* 1951б, 1951в, 1952. Также критиковался текст С.П. Толстова “Советская школа в этнографии” (*Толстов* 1947) – его суждение о том, что “русская этнография XIX–XX века никогда не носила официального характера, никогда не отдавала себя на службу царизму” (АРАН 2: Л. 54). Интересно, что критика статьи С.А. Токарева («на низком теоретическом уровне написана статья С.А. Токарева “Основные этапы русской дореволюционной и советской этнографии”» [*Токарев* 1951]) была вычеркнута из решения (АРАН 2: Л. 183).

²⁶ Неверное название работы. Имеется в виду: *Кудрявцев* 1951.

²⁷ В документе указано неверное склонение фамилии Евгении Эдуардовны Бломквист.

²⁸ Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993) – партийный деятель, экономист, социолог. В 1953–1955 гг. – заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС.

²⁹ Лихолат Андрей Васильевич (1914–1993) – партийный деятель, историк. В 1942–1957 гг. работал в аппарате ЦК ВКП(б)/КПСС, где прошел путь от инструктора до заведующего сектором общественных наук Отдела науки и вузов.

³⁰ Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) – советский химик-органик, организатор науки, академик АН СССР (1949), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1949–1959).

³¹ Соловьев Александр Арсеньевич (1915–2003) – партийный деятель, историк. С 1950 г. – заведующий сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С 1953 г. – помощник секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова.

Источники и материалы

АРАН 1 – Архив Российской академии наук. Ф. 457. Оп. 1–1953. Д. 291. Протоколы заседания Бюро отделения.

АРАН 2 – Архив Российской академии наук. Ф. 457. Оп. 1–1953. Д. 294. Стенограмма заседания Бюро Отделения 24 февраля и 17 марта 1953 г. по вопросу о работе журнала “Советская этнография”.

Бернштам 1951 – *Бернштам А.Н.* Некоторые данные к этногенезу туркмен // Советская этнография. 1951. № 4. С. 199–201.

Бломквист 1951 – *Бломквист Е.Э.* Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки // Советская этнография. 1951. № 2. С. 115–139.

Бломквист 1954 – *Бломквист Е.Э.* Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев // Советская этнография. 1954. № 4. С. 25–47.

Бутинов 1951 – *Бутинов Н.А.* О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии // Советская этнография. 1951. № 2. С. 179–181.

Воробьев 1951а – *Воробьев Н.И.* К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства // Советская этнография. 1951а. № 1. С. 142–146.

Воробьев 1951б – *Воробьев Н.И.* Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народностей Среднего Поволжья // Советская этнография. 1951б. № 4. С. 180–198.

Воробьев 1952 – *Воробьев Н.И.* Краткие итоги изучения материальной культуры чувашей // Советская этнография. 1952. № 4. С. 53–66.

Горбачева 1951 – *Горбачева Н.П.* К вопросу о пересмотре периодизации Моргана // Советская этнография. 1951. № 1. С. 154–166.

Егоров 1950 – *Егоров В.Г.* Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. 1950. № 3. С. 79–92.

Касьянов 1952 – *Касьянов Н.* Новый журнал по языкознанию // Большевик. 1952. № 16. С. 65–72.

- Корбе* 1951 – *Корбе О.А.* О работе журнала “Советская этнография” // Советская этнография. 1951. № 4. С. 211–215.
- Косвен* 1951а – *Косвен М.О.* Об историческом соотношении рода и племени // Советская этнография. 1951а. № 2. С. 182–186.
- Косвен* 1951б – *Косвен М.О.* Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // Советская этнография. 1951б. № 1. С. 7–21.
- Косвен* 1951в – *Косвен М.О.* М.М. Ковалевский как этнограф-кавказовед // Советская этнография. 1951в. № 4. С. 116–135.
- Косвен* 1952 – *Косвен М.О.* Из истории ранней русской этнографии (XII–XVI вв.) // Советская этнография. 1952. № 4. С. 128–141.
- Крупянская* 1951 – *Крупянская П.Ю.* Народное песенное творчество послевоенного периода // Советская этнография. 1951. № 3. С. 64–85.
- Кудрявцев* 1951 – *Кудрявцев М.К.* Неприкасаемые (о некоторых особенностях кастовой организации в Индии) // Советская этнография. 1951. № 2. С. 140–159.
- Кушнер* 1951 – *Кушнер П.И.* Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // Советская этнография. 1951. № 1. С. 135–141.
- Марков, Громов* 1955 – *Марков Г.Е., Громов Г.Г.* Журнал “Советская этнография” в 1953–1955 гг. // Вопросы истории. 1955. № 7. С. 132–137.
- Маслова* 1954 – *Маслова Г.С.* Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // Советская этнография. 1954. № 2. С. 42–59.
- Монгайт, Першиц* 1955 – *Монгайт А.Л., Першиц А.И.* Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет // Вопросы истории. 1955. № 1. С. 135–141.
- Новичев* 1951 – *Новичев А.Д.* Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции // Советская этнография. 1951. № 3. С. 108–129.
- Першиц* 1953 – *Першиц А.* Обсуждение работы журнала в Бюро Отделения истории и философии АН СССР // Советская этнография. 1953. № 3. С. 191–196.
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 426. Л. 22–27. Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС о мерах улучшения работы журнала “Советская этнография”, 1953 г.
- Резолюция 1951 – Резолюция Ученого совета Института этнографии АН СССР о работе журнала “Советская этнография” // Советская этнография. 1951. № 4. С. 215–216.
- Совещание 1951 – Совещание по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке // Советская этнография. 1951. № 4. С. 3–6.
- Съезд 1952 – XIX Съезд Коммунистической партии Советского Союза и вопросы этнографии // Советская этнография. 1952. № 4. С. 3–10.
- Токарев* 1951 – *Токарев С.А.* Основные этапы русской дореволюционной и советской этнографии // Советская этнография. 1951. № 2. С. 160–178.
- Токарев* 1954 – *Токарев С.А.* О культурной общности восточнославянских народов // Советская этнография. 1954. № 2. С. 21–31.
- Толстов* 1946 – *Толстов С.П.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества // Советская этнография. 1946. № 1. С. 25–30.

- Толстов* 1947 – *Толстов С.П.* Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
- Толстов* 1950а – *Толстов С.П.* Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса // Советская этнография. 1950а. № 3. С. 3–8.
- Толстов* 1950б – *Толстов С.П.* Значение трудов С.В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии // Советская этнография. 1950б. № 4. С. 3–23.
- Толстов* 1951 – *Толстов С.П.* Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” // Советская этнография. 1951. № 3. С. 3–14.
- Чичеров* 1950 – *Чичеров В.И.* Клятва большевистской партии Ленину в народном творчестве // Советская этнография. 1950. № 1. С. 41–58.
- Чичеров* 1952 – *Чичеров В.И.* О порочных взглядах Н.Я. Марра и его последователей в области фольклористики // Советская этнография. 1952. № 3. С. 3–15.
- Якимов* 1952 – *Якимов В.П.* Естественный слепок полости черепа неандертальца из Чехословакии // Советская этнография. 1952. № 3. С. 196–198.

Научная литература

Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Подвластная наука? Наука и советская власть / Ред.-сост. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Голос, 2010. С. 441–467.

Алымов С.С. Три этюда о “марризме” в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2008. № 6. С. 79–93.

Алымов С.С. Космополитизм, марризм и прочие “грехи”: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3. С. 7–36.

Алымов С.С. Понятие “пережиток” и советские социальные науки в 1960–1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 261–287.

Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Кожневников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–59.

Неразлик Е.Е. Сергей Павлович Толстов (1907–1976) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4, Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. С. 462–484.

Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин; отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 184–232.

Тихонов В.В. Идеологические кампании “позднего сталинизма” и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.: Нестор-История, 2016.

Spooner M. The Deleterious Personal and Societal Effects of the “Audit Culture” and a Domesticated Academy: Another Way Is Possible // International Review of Qualitative Research. 2015. Vol. 8 (2). P. 212–228. <https://doi.org/10.1525/irqr.2015.8.2.212>

Research Article

Dolgova, E.A. A 1953 Memo of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU on Measures for Improving the Work of the Journal *Sovetskaia Etnografiia* [Zapiska Otdela nauki i kul'tury TsK KPSS o merakh uluchsheniia raboty zhurnala "Sovetskaia etnografiia", 1953 g.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 4, pp. 130–148. <https://doi.org/10.31857/S0869541525040096> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Evgeniya Dolgova | <https://orcid.org/0000-0002-3902-7142> | Medievalis@list.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusaskaia sq., 125047, Moscow, Russia)

Keywords

Soviet ethnography, ideological debates, linguistics, language, survivals, Marr, Marrisism

Abstract

In this article, I dive into examination of an archival document shedding light on the mid-twentieth century editorial politics of the journal *Sovetskaia etnografiia* and, more generally, on the changes in interpreting Soviet ethnography's key subjects and themes during the period of ideological debates in the late Stalin era. This is a memo which was prepared by the Department of Science and Culture of the Central Committee of USSR's Communist Party in 1953 as an outcome of the assessment of work and activities of the journal. That assessment was initiated by the Division of History and Philosophy of the Russian Academy of Sciences after the decisions on national culture were issued at the 19th Congress of the Communist Party. It was also timed to the publication of Stalin's writings on the economic problems of socialism and the place of Marxism in language studies. The very form of the memo and its specific omissions and misrepresentations let us better understand the currents of competition in Soviet academia in the 1950s. I argue that the memo's target was Sergei Tolstov, then chief editor of the journal and director of the Institute of Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

References

- Alpatov, V.M. 2010. Marr, marrizm i stalinizm [Marr, Marrisism and Stalinism]. In *Podvlastnaia nauka? Nauka i sovetskaia vlast'* [Subservient Science? Science and Soviet Power], edited by S.S. Neretina and A.P. Ogurtsov, 441–467. Moscow: Golos.
- Alymov, S.S. 2008. Tri etiuda o "marrizme" v sovetskoj etnografii [Three Études on "Marrisism" in Soviet Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 79–93.
- Alymov, S.S. 2009. Kosmopolitizm, marrizm i prochie "grekhi": otechestvennye etnografy i arkheologi na rubezhe 1940–1950-kh godov [Cosmopolitanism, Marrisism and Other "Sins": Russian Ethnographers and Archaeologists at the Turn of the 1940s–1950s] *Novoe literaturnoe obozrenie* 3: 7–36.
- Alymov, S.S. 2012. Poniatie "perezhitok" i sovetskie sotsial'nye nauki v 1960–1960-e gg. [The Concept of a "Relic" and Soviet Social Sciences in the 1960s and 1960s] *Antropologicheskii forum* 16: 261–287.
- Dobrenko, E.A. 2020. *Pozdnii stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: Aesthetics of politics]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kozhevnikov, A.B. 1997. Igry stalinskoj demokratii i ideologicheskie diskussii v sovetskoj nauke: 1947–1952 gg. [The Games of Stalinist Democracy and Ideological Discussions in Soviet Science: 1947–1952]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* 4: 26–59.
- Nerazlik, E.E. 2004. Sergei Pavlovich Tolstov (1907–1976) [Sergei Pavlovich Tolstov (1907–1976)]. In *Portrety istorikov. Vremia i sud'by* [Portraits of Historians:

- Time and Fates]. Vol. 4, *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], edited by G.N. Sevost'ianov, 462–484. Moscow: Nauka.
- Rapoport, Y.A., and Y.I. Semenov. 2004. Sergei Pavlovich Tolstov: vydaiushchiisia etnograf, arkhelog, organizator nauki [Sergey Pavlovich Tolstov: a Famous Ethnographer, Archaeologist, and Science Organizer]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], edited by D.D. Tumarkin and V.A. Tishkov, 184–232. Moscow: Nauka.
- Spooner, M. 2015. The Deleterious Personal and Societal Effects of the “Audit Culture” and a Domesticated Academy: Another Way Is Possible. *International Review of Qualitative Research* 8 (2): 212–228. <https://doi.org/10.1525/irqr.2015.8.2.212>
- Tikhonov, V.V. 2016. *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [The Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (Mid-1940s – 1953)]. Moscow: Nestor-Istoriia.